

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

В. Четыркин

Речь

перед защитой диссертации
«Апокалипсис св. Апостола Иоанна Богослова.
Исагогическое исследование.

Петроград
1916

Опубликовано:

Христианское чтение. 1916. № 5-6. С. 547-558.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Р ѣ ч ь

передъ защитой диссертациі „Апокалипсисъ св. Апостола Іоанна Богослова. Исагогическое изслѣдованіе. Петроградъ 1916“.

ВАШЕ Преосвященство, милостивые государи и милостивыя государыни!

Ровно пять лѣтъ тому назадъ мнѣ, какъ студенту духовной академіи, переходящему на послѣдній курсъ, необходимо было избрать опредѣленный кругъ научныхъ интересовъ для преимущественнаго руководства ими въ будущихъ научныхъ занятіяхъ. Вниманіе мое привлекла одна изъ важнѣйшихъ академическихъ дисциплинъ—наука о Свящ. Писаніи Новаго Завѣта,—а профессоромъ Н. Н. Глубоковскимъ, сдѣлавшимся съ этого времени моимъ постояннымъ руководителемъ въ занятіяхъ, былъ указанъ въ качествѣ спеціального предмета изслѣдованія Апокалипсисъ св. Іоанна Богослова

Эта послѣдняя книга нашего библейскаго канона уже давно и съ различныхъ сторонъ изучалась на Западѣ, но и у насъ въ Россіи лѣтъ около десяти тому назадъ она неожиданно сдѣлалась предметомъ обсуждения и при томъ рѣзко отрицательнаго. Впрочемъ, такое обсужденіе наблюдалось не въ научныхъ кругахъ, а главнымъ образомъ въ широкой публикѣ. Я имѣю въ виду одно общеизвѣстное литературное явленіе, пользовавшееся большимъ успѣхомъ въ однихъ кру-

Это заглавіе: «*Безпредѣльность невѣжества и Апокалипсисъ*». Но какъ бы то ни было, интересъ къ Апокалипсису былъ возбужденъ и, слѣдовательно на всестороннее изученіе его наталкивалъ не только чисто научный интересъ специалистовъ, но и сама жизнь. Я и поставилъ себѣ задачей по возможности всесторонне, насколько это въ моихъ силахъ, рассмотреть всѣ возникающіе въ связи съ изученіемъ Апокалипсиса вопросы въ той постановкѣ, какая имъ дана библейско-критической наукой нашего времени.

Долженъ сознаться, что когда я брался за эту работу, то еще не вполне ясно представлялъ все разнообразіе и широту вопросовъ, съ которыми мнѣ впоследствии пришлось имѣть дѣло. Впрочемъ, это послужило мнѣ на пользу, такъ какъ, если бы я это зналъ, то, можетъ быть, и уклонился бы отъ такой работы. Теперь же, когда она уже закончена и представлена на Вашъ судъ, я позволю себѣ затруднить Ваше вниманіе краткимъ обзоромъ этихъ вопросовъ, но съ болѣе общихъ точекъ зрѣнія,—тѣмъ болѣе, что по ходу изслѣдованія у меня не было случая высказать нѣкоторыя мысли въ моей книгѣ.

Однимъ изъ важныхъ и интересныхъ вопросовъ изъ тѣхъ, съ которыми мнѣ пришлось имѣть дѣло при научномъ изслѣдованіи Апокалипсиса, былъ, именно, вопросъ о вліяніи на эту книгу древне-восточнаго языческаго міровоззрѣнія. Но онъ представляетъ изъ себя ничто иное, какъ часть, такъ называемой, религіозно-исторической гипотезы. Эта же гипотеза въ рѣзкой своей формѣ есть примѣненіе теоріи эволюціи къ изученію религіи; а что касается ея философскихъ предпосылокъ, то она, очевидно, стоитъ въ связи съ естественно-научнымъ направлениемъ мышленія новѣйшаго времени. Утверждая это, мы, вслѣдъ за нѣкоторыми мыслителями, различаемъ мышленіе естественно-научное и историческое. Идеаль перваго—общее понятіе, идеаль втораго состоитъ въ томъ, чтобы подмѣтить и описать индивидуальное. Но вслѣдствіе господства въ новое время естествознанія, принципы послѣдняго переносятся часто и на исторію. Въ этомъ и лежитъ источникъ того страннаго явленія, что о реформациі, наприм., стало возможнымъ говорить, совсѣмъ почти не упоминая о Лютерѣ. Ясно отсюда, къ чему ведетъ и религіозно-историческая гипотеза. Проводимая съ рѣзкою послѣдовательностью,—она въ концѣ концовъ приводитъ не только къ отрицанію

абсолютнаго характера и значенія нашей религіи, но даже и къ полному ниспроверженію историческихъ основъ христіанства. Мы дѣйствительно и видимъ, что въ трактатахъ о происхожденіи христіанства иногда считаютъ возможнымъ говорить объ экономическихъ отношеніяхъ въ римской имперіи, — о чемъ угодно, но только не объ Иисусѣ Христѣ.

Таковы философскіе принципы, таковы ихъ крайнія примѣненія, но какъ бы то ни было, приходится считаться и съ обычнымъ взглядомъ на исторію. Недостаточно развить эволюціонную теорію происхожденія христіанства, — необходимо еще разрушить традиціонное представленіе объ этомъ происхожденіи. И вотъ послѣднее дѣло совершаютъ тѣ, которые часто совсѣмъ не бываютъ склонны къ крайнимъ выводамъ религіозно-исторической гипотезы; не доходятъ, по крайней мѣрѣ, до того, чтобы отрицать даже фактъ историческаго бытія основателя христіанства. Путь къ ниспроверженію исторіи перво-христіанства таковъ. Въ языческихъ религіяхъ древности усердно ищутъ образовъ и идей, въ которыхъ можно было бы открыть аналогію (пусть отдаленную!) съ христіанскими идеями и образами; а нашедши, объявляютъ, что христіанское не оригинально, а заимствовано изъ древняго язычества.

Но вотъ здѣсь то и приходится наблюдать очень любопытное явленіе, для описанія котораго я обращусь прямо къ фактамъ. Alfred Jeremias — рѣшительный сторонникъ панвавилонизма, что особенно сказывается въ его трудѣ «Das Alte Testament im Lichte des Alten Orients». У него же имѣется специальная книга о вавилонскихъ матеріяхъ въ Н. Завѣтѣ, гдѣ устанавливается однако болѣе общая точка зрѣнія. Проникновеніе вавилонскаго міровоззрѣнія въ Н. Завѣтѣ чрезъ посредство іудейства признаетъ Н Gunkel. Позднѣе послѣдній призналъ уже невозможность различить, въ какомъ національномъ отпечаткѣ найденъ и использованъ священнымъ писателемъ миѣ, предоставляя ломать объ этомъ голову позднѣйшимъ поколѣніямъ. Причина такого не совсѣмъ утѣшительнаго для крайнихъ сторонниковъ религіозно-исторической гипотезы заключенія въ томъ, что въ ихъ рукахъ нѣтъ доказательствъ, а есть только аналогіи, иногда очень отдаленныя. Поэтому изъ какой бы миѣологіи не привлекали къ дѣлу матеріалы, выводъ получается одинаковый съ точки зрѣнія его достовѣрности. Gunkel, наприм., разбирая евангельскіе раз-

сказы, ссылаются и на вавилонскіе и на персидскіе и на греческіе идеи и миѣы, а van den Bergh van Eysinga говорить въ этомъ случаѣ объ индійскихъ вліяніяхъ. Но говорятъ, христіанство вышло изъ іудейства; послѣднее отличалось синкретическимъ характеромъ, — слѣдовательно это свойство должно быть присуще и самому христіанству. Дѣйствительно, познакомившись съ воззрѣніями Zimmern'a, можно подумать, что въ книгу Бытія едва ли не переписаны факты миѣической исторіи Вавилона; но удивительно, что замѣтнымъ и яснымъ вліяніе Вавилона оказывается почти только въ Бытіи. Если же начинаютъ искать его въ остальныхъ книгахъ священной еврейской письменности, то вдругъ попадаютъ въ довольно затруднительное положеніе и пунктовъ соприкосновенія болѣе или менѣе убѣдительныхъ находятъ очень мало. Отсюда у этихъ ученыхъ постоянныя апелляціи къ моднымъ идеямъ: къ факту культурнаго взаимообщенія народовъ; къ той апріорной истинѣ, что не могъ же Израиль, находясь на путяхъ мірового общенія, сохранить изолированное положеніе. Въ концѣ концовъ получается такое представленіе, какъ будто міровое общеніе совершенно исключаетъ національную самобытность. И нужно сказать, что идеи общенія народовъ и невозможности въ этихъ условіяхъ полной самобытности, именно, для Израиля едва ли не главные доказательства тезиса о широкомъ вліяніи Вавилона и на религію іудейства.

Но Alf. Ieremias признаетъ, что восточное вліяніе въ области религіи до вавилонскаго плѣна задерживалось выдающимися религіозными личностями, а послѣ плѣна этому вліянію данъ былъ полный просторъ. Извѣстенъ въ этомъ случаѣ ни къ чему не приводящій и не имѣющій въ будущемъ привести споръ: откуда появились и выдвинулись на первое мѣсто въ позднѣйшей іудейской религіи идеи воскресенія и послѣдняго суда, представленіе объ ангелахъ и под.? Для однихъ ясно, что онѣ результатъ вліянія парсизма, а для Charles'a не менѣе, а можетъ быть, еще болѣе ясно ихъ туземно-іудейское происхожденіе. Но и помимо этихъ пунктовъ говорить о широкомъ вліяніи древне-восточнаго язычества на позднѣйшую іудейскую религію сдѣлалось такимъ обыкновеніемъ, отступленіе отъ котораго можетъ, пожалуй, быть встрѣчено взглядомъ сожалѣнія со стороны многихъ ученыхъ. Но и на фонѣ такого интимнаго отношенія между язычествомъ и іудействомъ выдѣляется, говорятъ, іудейская апо-

каллиптика, какъ особенно выдающееся вмѣстилище древней языческой, точнѣе, вавилонской мудрости. Но если мы и здѣсь станемъ искать восточно-языческихъ элементовъ, то найдемъ ихъ только развѣ въ любви къ астрономическимъ изслѣдованіямъ; можетъ быть, еще въ частности развитія ангелологии и под..., т. е. вліяніе это замѣтно на периферіи и ни какъ не въ существенныхъ пунктахъ, касающихся прямо религіи, не говоря уже о томъ, что самые разговоры объ особенномъ, отличномъ отъ общеіудейскаго, апокалиптическомъ міровоззрѣніи сильно преувеличены.

Такимъ образомъ къ разбору Апокалипсиса св. Іоанна съ точки зрѣнія религіозно-исторической гипотезы мы приступили съ твердымъ убѣжденіемъ въ тѣхъ общихъ положеніяхъ, что, во-первыхъ, крайнее увлеченіе и выводы этой гипотезы имѣютъ свой корень въ самыхъ философскихъ основахъ міровоззрѣнія новаго времени; что, во-вторыхъ, въ ученое обсужденіе этого вопроса внесено много субъективизма, общихъ фразъ, общихъ мѣстъ, что, въ третьихъ, хотя древне-восточное вліяніе на іудейство въ разныя эпохи и является несомнѣннымъ, но существенныхъ областей религіи оно не коснулось. Выработка этихъ общихъ положеній намъ была необходима, такъ какъ изолированное разсмотрѣніе Апокалипсиса въ этомъ случаѣ представляется невозможнымъ, потому что эта книга есть только частный пунктъ въ общей картинѣ отношенія іудейства, а чрезъ него и христіанства, къ древнему языческому Востоку.

Другимъ, въ русской литературѣ, кажется, совсѣмъ не обсуждавшимся, вопросомъ въ области изслѣдованія Апокалипсиса, является вопросъ объ его многосоставности. Говорятъ, что это писаніе не единой композиціи, произошло не въ одно время и не отъ одного писателя, но является конгломератомъ произведеній или ихъ частей, написанныхъ въ разное время и различными писателями какъ христіанами, такъ и іудеями. Въ своемъ изслѣдованіи, останавливаясь на каждой главѣ, каждомъ стихѣ, каждомъ словѣ, гдѣ это было нужно, мы давали посильные отвѣты на возраженія критики противъ единства новозавѣтнаго Апокалипсиса. Настоящимъ же моментомъ мы хотѣли бы воспользоваться для того, чтобы представить и этотъ вопросъ въ общемъ освѣщеніи. Для всесторонняго обслѣдованія Апокалипсиса св. Іоанна мы должны были изучить всѣ сохранившіяся іудейско-апокалиптическія произведе-

нія. Это изученіе сдѣлало для насъ явнымъ все различіе между первымъ и вторыми какъ со стороны ихъ идейнаго содержанія, такъ и со стороны литературно-поэтической. Но есть однако между ними и общее и оно касается, во первыхъ, общей формы; а во вторыхъ, отношенія новѣйшихъ ученыхъ къ этимъ писаніямъ. И новозавѣтный Апокалипсисъ и іудейскіе апокалипсисы выражаютъ идеи въ образахъ, рисуютъ передъ читателемъ картины. И новозавѣтный Апокалипсисъ и іудейскіе апокалипсисы дѣлятся нѣкоторыми представителями науки на части, которыя были написаны въ разное время и различными писателями. Послѣдняго рода судьбу дѣлятъ съ Апокалипсисомъ св. Іоанна особенно кн. Еноха, Апокалипсисъ Варуха и 4 кн. Ездры. Оставляя пока въ сторонѣ кн. Еноха, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу Апокалипсиса Варуха и 4 кн. Ездры. Изъ содержанія перваго видно, что онъ не представляетъ строгаго планомѣрнаго развитія, какого требуютъ отъ литературныхъ произведеній въ настоящее время. Кромѣ того еще указываютъ на различіе воззрѣній и исторической перспективы въ разныхъ частяхъ книги. Такъ, Гауе выдѣляетъ изъ ея состава видѣніе лѣса и кедра и видѣніе свѣтлыхъ и черныхъ водъ, которыя не принадлежатъ, будто бы, автору Апокалипсиса Варуха, но произошли ранѣе. Въ то время, какъ основной Апокалипсисъ Варуха написанъ послѣ разрушенія Іерусалима въ 70 г., оба упомянутыя видѣнія произошли ранѣе этого печальнаго событія, а именно: видѣніе лѣса и кедра около середины I вѣка.— можетъ быть, при императорѣ Гаѣ, а время написанія видѣнія водъ точнѣе опредѣлить нельзя,—можно сказать лишь, что оно произошло до 70 г. по Р. Х. Въ 4 кн. Ездры обращаетъ особенное вниманіе съ этой же стороны вторая ея часть. Здѣсь видѣніе орла и человѣка выдѣляетъ изъ первоначальнаго состава книги Гауе. По мнѣнію Wellhausen'a, формальная принадлежность видѣнія орла съ корпусомъ книги сомнительна. Kabisch говоритъ, что видѣніе орла— «А»—не связано съ другими найденными имъ источниками, ни съ источникомъ «S», ни съ «Е», такъ какъ видѣніе орла имѣетъ въ виду римскую имперію исключительно съ политической стороны, при чемъ Мессія долженъ уничтожить эту державу, тогда какъ въ источникѣ «Е» Мессія только статистъ. Написано это видѣніе ок. 90 г. при Домиціанѣ. Видѣніе человѣка, по Kabisch'у, принадлежитъ совершенно особому источнику,

Въ мірѣ, согласно описанію этого видѣнія, замѣчается раздѣленіе народовъ, а не единство міровой державы. Мессія здѣсь не статистъ и не военный только герой, но супранатуральный Сынъ Человѣческой. Его дѣятельность состоитъ не только въ томъ, чтобы уничтожить враговъ, но и въ томъ, чтобы осчастливить Израиля. Небесный Сіонъ прямо съ нимъ спускается на землю. Мессіанское царство на землѣ, по видимому, вѣчно. Десять колѣнъ возвращаются въ св. землю, а два колѣна представляются находящимися въ св. землѣ. Произошло видѣніе передъ самой эпохой Помпея,—можетъ быть, когда начались споры двухъ братьевъ Гиркана II и Аристовула,—во всякомъ случаѣ, когда блескъ асмонеической династіи померкъ и далъ мѣсто пожеланіямъ лучшаго будущаго.

Всѣ эти данныя мы привели для того, чтобы охарактеризовать одно изъ направленій литературной критики памятниковъ древней апокалипсической письменности. Направление это является наиболѣе умѣреннымъ и въ нѣсколько смягченномъ видѣ почти общепризнаннымъ. Въ частности о приведенныхъ нами произведеніяхъ нужно замѣтить слѣдующее. Отсутствіе въ Апокалипсисѣ Варуха строго выдержаннаго плана не должно смущать изслѣдователя, такъ-какъ такого требованія вообще нельзя предъявлять къ литературѣ того времени, а что касается апокалиптики, то здѣсь, по замѣчанію Baldensperger'a, дѣйствительно эффекта больше, чѣмъ логики. Затѣмъ нѣтъ ни права, ни возможности утверждать, что писатели и названныхъ нами іудейскихъ апокалипсисовъ чисто механически вставляли видѣнія, которыя они находили уже записанными. О 4 кн. Ездры проф. Н. Gunkel справедливо утверждаетъ, что, хотя ея писатель и воспользовался традиціонными образами, тѣмъ не менѣе онъ не отнесся къ нимъ рабски, но основательно ихъ переработалъ. Эта переработка видна въ сдѣланныхъ самимъ авторомъ введеніяхъ и заключеніяхъ и различныхъ вставленныхъ имъ въ срединѣ пассажахъ. Въ самомъ поэтическомъ изложеніи видѣній сказывается рука писателя 4 кн. Ездры, и вообще это произведеніе отличается единымъ колоритомъ.

Для второго направленія литературной критики характерны работы Charles'a о кн. Еноха и Апокалипсисѣ Варуха и операція Kabisch'a надъ первой частью 4 кн. Ездры. Если мы посмотримъ, что дѣлаетъ, наприм., Charles съ Апокалипсисомъ Варуха, то увидимъ, что онъ находитъ здѣсь произведенія семи

писателей, изданныя редакторомъ, который, соединяя ихъ, и самъ не упустилъ случая сдѣлать кое-какія интерполяціи. Вообще все дѣло въ такихъ случаяхъ представляется слѣдующимъ образомъ. Какой нибудь редакторъ въ тиши кабинета собралъ около себя рядъ сочиненій извѣстнаго типа и выкраивалъ изъ нихъ одно большое произведеніе. Работа, очевидно, довольно кропотливая, такъ какъ не на мѣстѣ иногда оказываются отдѣльные стихи и даже слова.

Изъ этихъ двухъ направленій особенно второе избрало новозавѣтный Апокалипсисъ предметомъ своихъ критическихъ операций. Но нельзя не признать, что оно же является и самымъ неосновательнымъ. Нельзя не обратить вниманія на то, что проф. D. Völter за 30 лѣтъ далъ пять различныхъ гипотезъ дѣленія Апокалипсиса св. Іоанна на источники и, кажется, во всѣхъ случаяхъ онъ является и творцомъ этихъ гипотезъ и единственнымъ послѣдователемъ. Точно также, кажется, гипотезы Rauch'a придерживается одинъ Rauch; гипотезы Spitt'ы—одинъ Spitta; гипотезы Joh. Weiss'a—одинъ Joh. Weiss и т. д. Объясняется это обстоятельство тѣмъ, что при трудолюбіи и неполномъ отсутствіи остроумія такихъ опытовъ дѣленія книги на источники можно создать сколько угодно и при томъ съ одинаковой степенью достовѣрности. А достовѣрность эта такова, что съ принципами дѣленія указаннаго направленія литературной критики можно раздѣлить на источники что угодно,—даже большинство произведеній нашей новѣйшей литературы. Словомъ всѣ подобнаго рода гипотезы въ отношеніи древнихъ іудейскихъ и христіанскихъ литературныхъ памятниковъ, предполагающія, что какой-то редакторъ, собравъ нѣсколько апокалипсисовъ, тщательно перекраивалъ ихъ въ тиши своего кабинета, кропотливо подбиралъ изъ разныхъ источниковъ главу къ главѣ, стихъ къ стиху, представляются намъ совершенно неосновательными. Онѣ предполагаютъ такой способъ литературной работы, какаго, кажется, совсѣмъ не было тогда. Древность дала намъ очень много подложнаго и интерполированнаго, но и литературный подлогъ и интерполированіе велись гораздо проще, чѣмъ предполагается этого рода гипотезами. Стоитъ взять кн. Еноха, чтобы убѣдиться въ этомъ. Составляющія ее части намѣчаются болѣе или менѣе ясно, такъ что о ея единствѣ едва-ли позволительно говорить. Однако и здѣсь невозможна та работа, которую стремится продѣлать надъ ней Charles, и мы должны

присоединиться къ безнадежному сужденію Веер'а, утверждающаго неразрѣшимость вопросовъ, касающихся состава данной книги.

Заранѣе подозрительно относясь ко всѣмъ попыткамъ найти въ памятникахъ древней апокалипсической письменности редакціонную обработку многихъ писаній, мы должны удѣлить большее вниманіе тому направленію литературной критики, которое мы описали на первомъ мѣстѣ. Оно предполагаетъ автора, вставляющаго въ свое произведеніе отдѣльныя видѣнія, или записанныя ранѣе, или полученные по преданію. Въ наиболѣе мягкой своей формѣ, которая особенно хорошо представлена введеніемъ Н. Genkel'я въ 4 кн. Ездры, предпосланнымъ ея нѣмецкому переводу въ изданіи Kautzsch'a, это направленіе возвращаетъ единому автору всѣ его права, и источникъ, которымъ послѣдній воспользовался, представляется уже почти только, какъ сюжетъ, который имъ обработанъ.

Въ своемъ изслѣдованіи мы старались показать, что Апокалипсисъ св. Іоанна представляетъ писаніе стройное по плану,—гораздо болѣе стройное, чѣмъ произведенія іудейской апокалиптики. Кромѣ того мы старались еще выяснитъ, что и каждая отдѣльная часть его, каждая отдѣльная картина стоитъ въ надлежащей связи, а никакъ не являетъ примѣръ механическаго внесенія. Если что и можно было-бы допустить здѣсь, такъ это только предположеніе, что картины Апокалипсиса стоятъ въ нѣкоторомъ отношеніи къ традиціи, что на созерцанія апокалиптики оказалъ вліяніе кругъ эсхатологическихъ представленій, свойственныхъ іудейству вообще или же отдѣльному кругу въ его средѣ. Но это вполне понятно и согласно съ представленіемъ о новозавѣтномъ Апокалипсисѣ, какъ о единомъ по составу писаніи.

Посвятивъ свое изслѣдованіе объ Апокалипсисѣ спеціально введенію, мы, говоря о его составѣ, по необходимости должны были установить и принципы экзегезиса его. Они отчасти выражены въ разныхъ мѣстахъ нашей книги, сейчасъ же мы хотѣли бы лишь остановиться на частномъ пунктѣ: насколько Римъ и императорскій культъ повліяли на созерцанія новозавѣтнаго пророка? Что апокалиптикъ говоритъ о Римѣ и его гибели, это мнѣніе очень распространено на Западѣ; можно встрѣтиться съ нимъ и въ русской литературѣ. Наприм., г. Гамолко пишетъ въ «Христіанскомъ Читеніи» за 1912 г. слѣдующее: «нельзя согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ экзегетовъ,

которые отодвигают осуществленіе апокалипсическихъ пророчествъ къ концу вѣковъ». Далѣе этотъ авторъ утверждаетъ, что паденіе Вавилона частью осуществилось въ паденіи Рима и расчлененіи огромной Римской монархіи при Аларихѣ. Слово «тайна», написанное на головѣ жены, между прочимъ дѣлаетъ намекъ на «тѣ приемы соблазна и обольщенія, къ которымъ прибѣгалъ Римъ для распространенія своего культа императоровъ». Г. Аксаковъ въ «Церковномъ Вѣстникѣ» за 1908 г. говорить: «въ Апокалипсисѣ мы встрѣчаемъ указаніе на Римъ, какъ на «великій городъ», а затѣмъ встрѣчаемъ его въ образѣ звѣря, жены, сидящей на звѣрѣ, Вавилона великаго, матери блудницъ и мерзостей разныхъ». «Семь головъ звѣря имѣютъ въ Апокалипсисѣ двойное значеніе. Они обозначаютъ и семь холмовъ, на которыхъ расположенъ Римъ, и семь царей, царствовавшихъ въ немъ», именно: Тиворія, Калигулу, Клавдія, Нерона, Гальбу, Оттона и Вителлія. «Неронъ совершенно ясно отмѣченъ и обозначенъ въ Апокалипсисѣ».

По поводу легенды о Неронѣ, который хотѣлъ быть не богомъ, а артистомъ, мы уже высказались въ своей книгѣ. Вопросъ же о томъ, насколько Римъ съ его императорскимъ культомъ опредѣлилъ содержаніе апокалипсическаго пророчества, растворяется для насъ въ болѣе общемъ вопросѣ: объ отношеніи между пророчествомъ и обстоятельствами времени, въ которое оно появилось. Намъ кажется, что даже для уясненія содержанія самаго пророчества важно точное опредѣленіе обусловливающихъ его историческихъ обстоятельствъ. И въ данномъ случаѣ мы готовы признать, что символика св. Іоанна мѣстами стоитъ въ зависимости отъ обстоятельствъ религиозной жизни Рима и его провинцій Малой Азіи. Седмихолмный городъ въ XVII гл. Апокалипсиса намекаетъ на Римъ. Описаніе звѣря съ его поклонниками объясняется тѣмъ, что, именно, въ М. Азіи, откуда произошелъ Апокалипсисъ, особенно проявилась враждебная новой религіи сущность Рима. Именно, здѣсь прежде всего стала ясною противоположность между государствомъ, обожествляемымъ въ лицѣ его представителей, и христіанствомъ. Th. Mommsen говорить, что ландтаги малоазійскихъ провинцій, призванные къ жизни Августомъ, сами по себѣ не различны отъ ландтаговъ другихъ провинцій, именно, въ М. Азіи развились или скорѣе исказились особеннымъ образомъ. Ихъ обычныя функціи здѣсь впервые были соединены съ устройствомъ ежегоднаго празднованія въ честь пра-

вящаго императора и императорскаго культа вообще. Въ Азіи и Визиніи были устроены первые храмы императору Августу, — именно въ Пергамѣ, упомянутомъ въ Апокалипсисѣ, и въ Никомидіи въ 725 г. отъ основанія Рима. Второй храмъ императору былъ устроенъ въ 23 г. по Р. Х. при Тиверіи въ Смирнѣ, опять въ одной изъ церквей Апокалипсиса. И это установленіе вообще нигдѣ такъ не развилось, какъ, именно, въ провинціи Азіи. «Когда началась борьба между старой и новой вѣрой за господство въ имперіи, опять же говорить Th. Mommsen, то ихъ противоположность разрѣшилась въ конфликтъ, конечно, прежде всего благодаря провинціальному верховному жречеству». Это все факты, которые хорошо выясняютъ символизмъ Апокалипсиса, но которые однако не исчерпываютъ сущности пророчества. Кругозоръ апокалиптика гораздо шире, чѣмъ римская имперія, съ судьбой которой онъ едва ли связывалъ судьбы міра. Въ довольно значительной по объему книгѣ мы находимъ у него ясныхъ намековъ на Римъ и его отношенія сравнительно мало, а имѣющіяся представлены въ самой широкой перспективѣ, дѣлающей вполне допустимымъ традиціонное истолкованіе Апокалипсиса. Въ виду всего этого въ нашемъ трудѣ, въ которомъ мы хотѣли дать введеніе въ Апокалипсисъ, хотя и указано на зависимость символики его писателя отъ римско-асійскихъ отношеній, тѣмъ не менѣе эта мысль не развита подробно. Вообще же экзегезисъ вводился нами только по требованію обстоятельствъ, — гдѣ это нужно было для уясненія композиціи книги.

Вотъ главные изъ тѣхъ общихъ принциповъ, которые лежатъ въ основѣ нашей книги и которые такъ или иначе вліяли на ея построеніе. Оглядываясь теперь на всю прошедшую черновую работу, мы не можемъ не выразить чувства удовлетворенія отъ сознанія твердости тѣхъ позицій, на которыхъ стоимъ какъ мы сами, такъ и вообще новозавѣтная наука, основывающаяся на традиціи. Въ самомъ дѣлѣ, все большее и большее количество посланій Апостола Павла признается критикой подлиннымъ. Еще недавно одинъ изъ самыхъ выдающихся историковъ выступилъ съ признаніемъ подлинности писаній Евангелиста Луки. Въ области же іоанновой литературы все болѣе и болѣе сглаживается острота вопроса объ отношеніи между 4 Евангелиемъ и Апокалипсисомъ, такъ-что даже Harnack исповѣдуетъ, какъ онъ выражается, «критическую ересь» о единствѣ ихъ писателя. Мы твердо убѣждены.

что противоположенію этихъ двухъ памятниковъ свящ. письменности въ концѣ концовъ будетъ положенъ конецъ, а черезъ это будетъ расчищена дорога къ признанію писателемъ ихъ св. Ап. Іоанна Богослова. Вѣдь, долженъ-же когда-нибудь разсѣяться созданный Евсевіемъ миражъ пресвитера Іоанна, этого апостольскаго двойника! Долженъ-же когда-нибудь и въ общемъ научномъ сознаніи быть возстановленнымъ историческій образъ Ап. Іоанна, какъ благовѣстника М. Азии! Въ этомъ убѣжденіи, съ этими надеждами я и предлагаю свою книгу на Вашъ судъ, надѣясь, что, если я и немного сдѣлалъ, то все-таки сдѣлалъ что-нибудь.

Въ заключеніе я считаю пріятнымъ долгомъ публично выразить мою глубокую благодарность проф. Николаю Никаноровичу Глубоковскому, которому я обязанъ указаніемъ самой темы изслѣдованія, и въ постоянномъ общеніи и при постоянной поддержкѣ котораго исполненъ настоящій мой трудъ. Не могу не отмѣтить сейчасъ и того частнаго факта, что богатой библіотекой Николая Никаноровича я пользовался, какъ своею, что значительно облегчило мнѣ изученіе новѣйшей литературы. Проф. Сергѣю Михайловичу Зарину я очень благодаренъ за его всегда благожелательное отношеніе, которое сказалось прежде всего въ томъ, что онъ взялъ на себя трудъ чтенія моей книги. Вообще я долженъ засвидѣтельствовать свою признательность академической администраціи и совѣту, постоянно исполнявшимъ всѣ мои просьбы, и, между прочимъ, широко открывшимъ мнѣ двери академической библіотеки.

Василій Четыркинъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки